

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

1 Э. А. МАСАНОВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ КАЗАХСКОГО НАРОДА Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ

Выдающийся казахский ученый, этнограф и просветитель-демократ Чокан (Мухаммед-Ханафия) Чингисович Валиханов (1835—1865) занимает видное место в истории культуры нашей страны. Его общественно-политическая деятельность сыграла большую роль в укреплении дружбы казахского и русского народов, а его исследования явились ценным вкладом в науку.

Ч. Ч. Валиханов прожил короткую, но яркую и плодотворную жизнь.. Еще юношей, в годы учения в Омском кадетском корпусе (1847—1853), он был известен как знаток культуры и быта своего народа, и кадетское начальство смотрело на него как на будущего исследователя.. Многие русские востоковеды и прогрессивные деятели колониальной администрации, проявлявшие подлинный интерес к изучению истории,, этнографии и фольклора казахского народа, часто обращались к юному кадету с серьезными вопросами и получали от него исчерпывающие, ответы и даже тексты записанных им самим казахских исторических преданий, легенд и поэтических произведений.

Известный русский путешественник Г. Н. Потанин писал, что, познакомившись в корпусе с Ч. Ч. Валихановым, он стал записывать его этнографические рассказы в особую тетрадь. В частности, он занес в нее обстоятельное описание казахской соколиной охоты, которое Чокан затем проиллюстрировал рисунками казахского охотничьего оружия, соколиных наглазников, соколиных постаментов, барабанов и т. д. «Рассказы Чокана о киргизах были очень интересны...,—писал Г. Н. Потанин.— Рассказы он оживлял отрывками из киргизских песен, пояснениями посредством поговорок, народных преданий, народных обычаев и обрядов»¹.

В кадетском же корпусе определились научные интересы Ч. Ч. Валиханова. Уже тогда он мечтал о путешествиях, о научных открытиях и готовился к ним. Не удовлетворяясь школьной программой, он самостоятельно изучал географию, историю, этнографию, фольклор и языки восточных народов. Начальство корпуса шло ему навстречу, разрешив брать книги из фундаментальной библиотеки, считавшейся в то время самой большой и лучшей библиотекой в Сибири. Ему были до-

¹ Г. Н. Потанин, Биографические сведения о Чокане Валиханове (в кн.: Ч. Ч. Валиханов, Соч., «Записки Русского географического общества по отд. этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, стр. XXX—XXXI).

ступны и частные библиотеки Омска. Как писал Г. Н. Потанин, «образованное общество в Омске заинтересовалось появлением способного казахского мальчика; самые образованные лица считали своим долгом оказать ему покровительство»². У директора корпуса И. В. Ждан-Пушкина он читал «Современник», а в доме Капустиных, считавшемся литературным салоном города,—английские книги, особенно любимые им произведения Байрона, Диккенса, Теккерея, а также Гейне и Лермонтова. С увлечением изучал он труды П. С. Палласа, Н. П. Рычкова, А. И. Левшина, в которых описывались история, культура и быт родного ему народа.

«Чтение,— писал Г. Н. Потанин,—развил в нем критические способности, приложением которых он удивлял нас, как в области нравственных вопросов, так и в области восточной филологии, которая становилась уже его специальностью»³. «Чокан быстро развивался и шел далеко впереди своих товарищей, в особенности в области политических идей и литературных новостей»⁴. Насколько серьезно изучал юный кадет русскую и иностранную востоковедческую литературу свидетельствует тот факт, что когда после окончания корпуса ему пришлось вести самостоятельные научные изыскания, он ясно и отчетливо представлял себе во всем объеме состояние разработки основных проблем востоковедения.

Планируя свои путешествия и исследования в 1853—1856 гг., Ч. Ч. Валиханов наметил наиболее актуальные, первоочередные, и второстепенные задачи. Он подверг критике ошибочные, на его взгляд, концепции и гипотезы в историографии казахского и других восточных народов и высоко оценил положительный вклад в науку своих предшественников. Он серьезно ставил перед собой задачу внести в науку нечто действительно новое, оригинальное, хотел избежать повторения общеизвестных истин. Так, в 1860 г. в статье «Очерки Джунгарии» он писал: «Я буду говорить только о том, что было пропущено или не замечено предшествовавшими мне исследователями»⁵.

В 1853 г. Ч. Ч. Валиханов поступил на военную службу. В те годы наиболее образованные русские офицеры и чиновники нередко выполняли поручения научного характера. Имена и работы многих из них, ставших крупными учеными, общеизвестны. К их числу принадлежал и казахский ученый. Офицер Сибирского казачьего войска, затем адъютант генерал-губернатора Западной Сибири и офицер особых поручений, Ч. Ч. Валиханов с первых же лет службы выполняет ответственные задания научного характера. Прекрасное знание культуры и быта казахов, казахского языка, авторитет и уважение, которое он успел снискать в народе, выделяют его из общей массы офицеров и чиновников Омска.

В 1853—1854 гг. Ч. Ч. Валиханов посетил многие казахские аулы в Акмолинском, Кокчетавском, Каркаралинском округах, а в следующие два — три года — Семиречье, Иссык-Кульскую котловину и Кульджу с дипломатическими, торговыми и военными миссиями. Он сыграл большую роль в истории добровольного вхождения Старшего жуза и ряда киргизских племен в состав России и неустанно заботился об укреплении дружбы русского, казахского и киргизского народов.

² Г. Н. Потанин, Чокан Чингисович Валиханов, «Иллюстрированное приложение к газете „Сибирская жизнь“», № 153, 1903, стр. 1.

³ Г. Н. Потанин, Биографические сведения о Чокане Валиханове, стр. XVII.

⁴ Г. Н. Потанин, Чокан Чингисович Валиханов, стр. 1.

⁵ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 396.

Выполнение столь разнообразных поручений и непрерывные поездки в казахские и киргизские аулы отвечали интересам Ч. Ч. Валиханова. Люди, их образ жизни, обычаи, нравы, предания, верования всегда в первую очередь занимали его внимание. Он повседневно вел обстоятельный дневник, записывал легенды, предания, песни и сказания, изучал народный быт, хозяйство, материальную и духовную культуру, религию, выяснял родо-племенную структуру, расселение родов и этническую историю местного населения, собирал старинные рукописи, памятники нумизматики, археологии, этнографии. В свой альбом он зарисовывал этнографические предметы и жанровые сюжеты, чертил планы, схемы, маршруты. В одной из работ Валиханов писал: «...сведения, собранные во время путешествий, состоят... из личных моих наблюдений, ...из сведений и материалов, полученных от людей, достойных вероятия и поверенных другими (показаниями, и, наконец, кз письменных источников, полученных от купцов, чиновников, из туземных официальных документов и книг»⁶. Таким образом, в своих путешествиях, сопряженных с большими трудностями, лишениями и опасностями для жизни, ученый вел большую кропотливую и напряженную научную работу.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский, познакомившийся с Ч. Ч. Валихановым а 1856 г., был удивлен его большими познаниями в области истории, этнографии и филологии восточных народов и высоко оценил его научные занятия. Он одобрил стремление казахского ученого завершить образование в Петербургском университете и дал ему рекомендацию для избрания в действительные члены Русского географического общества. В рекомендации отмечалось, что Ч. Ч. Валиханов «собрал богатый запас географических, этнографических и исторических материалов о Киргизской степи, которые готов сообщить Обществу»⁷. Обещая широкое покровительство и содействие Русского географического общества, Семенов-Тянь-Шанский советовал казахскому ученому поддерживать с Обществом тесную связь.

Летом 1857 г., вскоре после избрания его членом Русского географического общества, Валиханов продолжительное время сопровождает П. П. Семенова в Семиречье и в горах Тянь-Шаня, оказавшись исключительно полезным спутником, как превосходный знаток местных обычаев и народов. Тогда-то и возникла впервые у П. П. Семенова мысль послать его в Кашгарию. По возвращении в Омск П. П. Семенов изложил свой план генерал-губернатору Западной Сибири. Предложение о новом и опасном путешествии молодой офицер встретил с большой радостью и в 1858—1859 гг. блестяще осуществил его. С этого времени имя казахского ученого становится известным мировой науке.

В своей деятельности Ч. Ч. Валиханов основное внимание уделял изучению истории и этнографии казахского народа. В 1857 г. в этой связи Г. Н. Потанин писал: «Чокан все более и более углублялся в историю Востока; какие-то загадочные отношения киргизского племени к этой истории, среди которого являлись имена древних народов усуней, киреев, найманов в качестве имен поколений, заставляли его задумываться и может быть мечтать сделать разоблачения в древней истории Востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки старины киргизского народа»⁸.

⁶ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, стр. 402.

⁷ «Вестник Русского географического общества», ч. 19, кн. 2, СПб., 1857, отд. 6, стр. 59. Напомним, что до Октябрьской революции киргизами называли казахов, Киргизской степью — Казахскую степь; киргизов же называли «нара-киргизами» или «ди-коиаменными».

⁸ Г. Н. Потанин, Биографические сведения о Чокане Валиханове, стр. XX—XXI.

Как видим, проблема происхождения казахского народа, история его компонентов, различных древних племен особенно глубоко волновала Ч. Ч. Валиханова. Но источниковедческая база исследований не удовлетворяла его, и он, не ограничиваясь своими наблюдениями, постоянно просил своих родственников, друзей и знакомых собирать необходимые ему сведения. Известно, что его отец Чингис Валиханов записывал для него произведения казахского фольклора, а дядя Муса Чорманов — сведения о родо-племенной структуре казахов, их расселении, генеалогии. В одном из писем Чингиса сыну говорится: «Твое письмо дал прочитать Жакупу и Мукану. Они стараются как можно скорее собрать нужные тебе материалы»⁹.

Ч. Ч. Валиханов изучал и архивные документы. Совместно с Г. Н. Потаниным, который в 1857—1858 гг. приводил в порядок Омский областной архив, он выявил и изучил почти все дела этого архива, имевшие отношение к истории казахов, киргизов Джунгарии. В Омске же он собрал в короткий срок богатую библиотеку по востоковедению.

Свою научную подготовку Ч. Ч. Валиханов продолжил в Петербурге, куда он был вызван в начале 1860 г. после путешествия в Кашгарию. П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал: «Другим лицом, особенно меня заинтересовавшим, в Омске был Чокан Чингисович Валиханов... Обладая совершенно выдающимися способностями, Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе, а впоследствии, уже в Петербурге, под моим влиянием слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока и в особенности народов, соплеменных киргизам»¹⁰.

В столице России Ч. Ч. Валиханов познакомился и подружился со многими передовыми представителями русского общества, с писателями, учеными, общественными, военными и государственными деятелями, оказавшими на него значительное влияние. В результате непосредственного контакта с ними окончательно оформились его демократические взгляды. По словам Н. М. Ядринцева, в начале 1860-х гг. казахский ученый «следил за движением русской жизни, за обновлением: ее, он читал лучшие журналы..., следил за тем, что делается в Географическом обществе, и помогал своими сведениями по географии Киргизской степи, приготавливал этнографический материал о киргизах (т. е. казахах.— Э. М.)...»¹¹ В эти годы он, не колеблясь, стал на сторону передовых людей России и «к идейным врагам своим относился с непримиримой враждой»¹².

В Петербурге, выполняя служебные обязанности, Ч. Ч. Валиханов работал в Главном штабе над составлением карты Азии и готовил к печати свои труды, участвовал в работе Русского географического общества. На одном из заседаний Отделения этнографии Общества 16 марта 1861 г., как отмечено в протоколе, «Ч. Ч. Валиханов обратил внимание Отделения на необходимость изучения народной словесности кочевых татарских народов (т. е. народов тюркской группы.— Э. М.), обитающих в России, но в тесной связи с русскими и вообще индоевропейскими памятниками этого рода, причем, по его замечанию обнаружи-

⁹ Чингис Валиханов, Письмо Чокану Валиханову от 9 шаяля 1860 г., «Простор», 1960, № 9, стр. 144.

¹⁰ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Мемуары, т. II, М., 1948, стр. 82.

¹¹ Н. М. Ядринцев, Воспоминание о Чокане Валиханове (в кн.: Ч. Ч. Валиханов, Соч., 1904, стр. XXXVII).

¹² Г. Н. Потанин, Чокан Чингисович Валиханов, стр. 2.

вается решительное влияние русской народности. В преданиях киргизов, прибавил г. Валиханов, сохраняются «мена Ивана Калиты (Калталы-Иман — Иван с Калтой), Михаила Тверского (Старый Михаил — Карт Михаила) и тому подобные любопытные намеки и указания. Определено: благодарить г. Валиханова за его предложение сообщить об этом предмете особую записку для сборника»¹³.

В Петербурге Ч. Ч. Валиханов завершил и сдал в печать три свои работы: «Аблай», «Очерки Джунгарии» и «О состоянии Алты-шара или шести восточных городов китайской провинции Нань-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах». Через год первая из них вышла в свет в «Энциклопедическом словаре», а две другие — в «Записках РГО». Печатался он и в столичных газетах.

Статья «Очерки Джунгарии» предназначалась автором для сообщения на общем собрании членов РГО. В конце ее говорилось: «Объем статьи... не позволяет мне лерейти в настоящее время ко второй половине моего путешествия, но если рассказ мой удостоится внимания почтенных моих сочленов, то я поставлю себе приятным долгом передать Обществу дальнейшие впечатления моего путешествия в малоизвестной внутренности Азии в одно из последующих заседаний»¹⁴.

В 1860 г. Ч. Ч. Валиханов, служивший в Военном министерстве, был одновременно «назначен состоять при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел», как человек, «изучавший на месте Восточную часть Средней Азии и знающий совершенно несколько наречий тюркского языка и могущий быть полезным Азиатскому департаменту своими специальными сведениями». Это назначение открыло ученому полный доступ ко всем материалам о народах Средней Азии, тщательно собиравшимся Азиатским департаментом.

Постоянное общение с русскими учеными, посещение университетских лекций, заседаний и общих собраний Русского географического общества, наконец, служебные обязанности способствовали научному росту Ч. Ч. Валиханова, создавали благоприятную обстановку для творческой деятельности. Он был многим обязан Русскому географическому обществу, которое поддерживало его научные начинания и содействовало публикации его трудов. Казахский ученый в свою очередь считал деятельность Общества весьма полезной, особенно в области этнографического изучения народов Средней Азии и Казахской степи.

Весной 1861 г. по состоянию здоровья Ч. Ч. Валиханов был вынужден оставить столицу и возвратиться на родину. В последующие годы до начала 1864 г. он подолгу жил в ауле своего отца, изредка наезжая в Омск и Кокчетав. Он продолжал сбор полевых материалов и их обработку, приводил в порядок свои записи, экспедиционные отчеты, писал статьи, составлял планы дальнейших научных изысканий. «Занятия мои в степи идут успешно,— писал он в январе 1862 г.— Я собрал очень много сказок, эпических сказаний, песен и занимаюсь теперь изучением киргизских законов...»¹⁵. В конце того же года он пытался устроиться корреспондентом какой-либо столичной газеты и просил своих друзей узнать у «Отечественных записок», «можно ли им будет напечатать киргизские сказки, сходные с русскими, и мои исследования о

¹³ «Журнал заседания Отделения этнографии 16 марта 1861 г.», «Записки Русского географического общества», кн. 3, СПб., 1861, стр. 31.

¹⁴ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 425.

¹⁵ Ч. Ч. Валиханов, Избранные произведения, Алма-Ата, 1958, стр. 554.

шаманстве у киргиз, и киргизские песни (в средневековом смысле) о золотоордынских героях, бросающие новый взгляд на историю этой орды и объясняющие причины падения орды»¹⁶.

В 1863 г. Ч. Ч. Валиханов задумал создать капитальное историко-этнографическое исследование «О Киргизской степи и киргизах» и разработал подробный план монографии¹⁷. Он хотел дать русской и мировой науке объективный труд, раскрывающий духовные богатства казахского народа, имеющего свою устную литературу, и опровергающий господствовавшее в Европе ложное представление о кочевых народах как «свирепых ордах и беспорядочных дикарях». Но, наблюдая произвол и засилие феодально-байской верхушки казахского общества, тяжелое положение трудящихся масс, ученый не мог работать спокойно и плодотворно. В 1862—1864 гг. он принимал активное участие в жизни казахского общества, вел деятельную борьбу против казахской аристократии и реакционного чиновничества, отстаивал интересы бедноты, составлял проекты развития просвещения, административной и судебной реформы, которые, по его (мнению, должны были обуздать феодалов и улучшить положение трудящихся масс. Столь напряженную работу он вел несмотря на туберкулез, подтачивающий его организм.

В марте 1864 г. Ч. Ч. Валиханов, не сумев сломить сопротивление продажного чиновничества, выехал из Омска и направился в укрепление Верное. Здесь он присоединился к военной экспедиции М. Г. Черняева и принял участие в ее первоначальных операциях против Кокандского ханства. В июне того же года, после занятия М. Г. Черняевым Аулие-Аты (ныне г. Джамбул), он возвратился в Верное и был неофициально назначен генералом Г. А. Колпаковским представителем начальника Алатавского округа на китайской границе. В это время он женился на сестре семиреченского султана Тезека и, чтобы быть поближе к границе, поселился в ауле шурина. В этом ауле он и скончался в апреле 1865 г.

В конце 1864 — начале 1865 г. Ч. Ч. Валиханов написал Г. А. Колпаковскому четыре письма, дающие некоторое представление о его занятиях в последние месяцы жизни. Из писем видно, что он внимательно изучал события в охваченной восстанием Илийской провинции Китая, поддерживая тесные отношения с китайскими чиновниками, принимал их в ауле Тезека, посредничал в дипломатической переписке Китая с Россией, переводил на русский язык китайские письма на имя Г. А. Колпаковского.

Вместе с тем его по-прежнему волновали судьбы родного народа. В четвертом письме Г. А. Колпаковскому утверждается, что внутреннее родовое управление в казахских аулах несправедливо находится в руках одних только феодалов, что оно «представляет ужасный хаос и крайнее безобразие», что «между родоправителями существует круговая порука, чтобы грабить народ», что, например, султан адбанов управляет своими многочисленными туленгутами «как плантатор неграми». «Так как в настоящее время, — писал далее Валиханов, — производятся бесперывные реформы и преобразования, то нет основания думать, чтобы Киргизская степь осталась забытой». Реформы необходимы и казахам. Не следует церемониться с казахскими феодалами, «можно положить конец их самоуправству и произволу и дать почувствовать им, что они не владельцы, а чиновники, и что правительству

¹⁶ Ч. Ч. Валиханов, Избранные произведения, стр. 569.

¹⁷ Ч. Ч. Валиханов: Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 554.

нужен народ, а не султаны, ибо математически—100 вернее, полезнее, чем 10»¹⁸.

Эта апелляция Ч. Ч. Валиханова к царскому губернатору в защиту народных масс, являющаяся следствием непонимания им природы царизма, значения классовой борьбы и революционного переустройства общества, свидетельствует в то же время о том, что он до последних дней жизни оставался верным сыном своего народа, озабоченным его интересами.

По своим общественно-политическим взглядам Ч. Ч. Валиханов примыкал к прогрессивному, демократическому лагерю российской интеллигенции, но оставался на позициях просветительства. Его историческая заслуга состоит прежде всего в том, что он сумел увидеть две России — царскую и народную, доказывал необходимость единения казахов с великим русским народом и глубоко понимал прогрессивный характер добровольного вхождения Казахстана в состав России.

Ч. Ч. Валиханов оставил значительное научное наследство, разработка и публикация которого после его смерти была признана Географическим обществом важной задачей русской науки. Однако из-за исключительной сложности автографов ученого и отсутствия последовательного интереса к этому делу только в 1904 г. были изданы под редакцией Н. И. Веселовского основные его произведения в одном томе, давно ставшем библиографической редкостью.

В последние десятилетия огромную работу по изданию произведений Ч. Ч. Валиханова проделал Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР. В 1947 г. Институтом были изданы сборник Ч. Ч. Валиханова «Статьи. Переписка», в 1958 г.— «Избранные произведения», в 1961 л.— первый том полного Собрания сочинений в пяти томах, в 1962 г.— второй том, в 1963 г.— третий и в 1964 г.— четвертый.

Круг научно-исследовательских интересов Ч. Ч. Валиханова, востоковеда-универсала и ученого с энциклопедическим складом ума, был чрезвычайно обширным и многогранным. Он изучал гражданскую историю, культуру, языки и религию тюркских народов Востока, географию Азии, археологию, этнографию, нумизматику. При этом он никогда не замыкался в рамки чисто научных, оторванных от жизни изысканий. Наблюдая быт среднеазиатских народов, он искал причины их отсталости и пути подъема их экономики и культуры, пути облегчения тяжелой участи трудящихся масс.

Научная деятельность Ч. Ч. Валиханова протекала в тот период, когда русское востоковедение существовало как наука комплексная, от которой впоследствии отпочковались отдельные отрасли востоковедения. Казахский ученый усвоил все лучшие традиции русской школы востоковедения, взгляды русской демократической общественности, резко отрицательное отношение к расистской пропаганде, к религии и национализму. Г. Н. Потанин справедливо указывал, что Ч. Ч. Валиханов является «первым по времени казахом, зставившим свое имя в список русских писателей»¹⁹. В свою очередь, редактор трудов казахского ученого Н. И. Веселовский писал о нем как о «блестящем метеоре, промелькнувшем над нивой востоковедения», и что «русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление...»²⁰.

¹⁸ Ч. Ч. Валиханов, Избранные произведения, стр. 588—589.

¹⁹ Г. Н. Потанин, Чокан Чингисович Валиханов, стр. 1.

²⁰ Н. И. Веселовский, Предисловие к кн.: Ч. Ч. Валиханов, Соч., 1904, стр. 1.

Ч. Ч. Валиханов был подлинным патриотом. Преданность интересам России — отличительная черта его деятельности. Будущее своего народа он видел лишь в единстве с русским народом. Он писал, что казахи «связаны с русскими исторически и даже кровно», и призывал всемерно укреплять и развивать дружбу обоих народов.

* * *

Ч. Ч. Валиханов внес существенный вклад в разработку этнографии и фольклористики казахского народа. Он изучал различные этнографические проблемы и оставил множество ценнейших оконченных и неоконченных этнографических исследований. Результаты его наблюдений историко-этнографического характера по своей глубине и важности стоят несравненно выше работ многих современников казахского ученого. В его трудах мы находим исключительное богатство оригинальных и глубоких мыслей и идей, научных выводов, интереснейших гипотез, сведений, не утративших своего значения для науки и по настоящее время. Широта познаний ученого, его эрудиция, умение исследовать актуальные и чрезвычайно сложные и трудные проблемы, тонкое понимание самобытности жизни и культуры народов Востока, роли и значения передовой русской культуры для их судеб поражают читателя.

Особенно значительны заслуги Ч. Ч. Валиханова в изучении истории Старшего жуза. Как известно, до середины XIX в. в науке господствовало ошибочное мнение, высказанное еще путешественниками XVIII в., что Старший жуз и киргизы составляют один особый народ, отличный от казахов. Правда, в первой половине XIX в. высказывались и другие мнения, но поскольку в этнографическом отношении Старший жуз и киргизский народ оставались неизученными, наука не располагала достоверными данными для опровержения старой точки зрения.

В 1855—1859 гг. Ч. Ч. Валиханов в результате тщательных полевых исследований собрал значительные материалы и восполнил этот пробел. В «Очерках Джунгарии» он сделал следующий исключительно важный научный вывод: «Оканчивая свои этнографические заметки о бурутах и уйсунях (киргизах и казахах Старшего жуза.— Э. М.), я считаю нужным заметить, что не должно смешивать эти два совершенно различных народа. Об этом заботились в свое время гг. Левшин, Мейндорф и особенно горячо отец Иакинф (Н. Я. Бичурин.— Э. М.), но до сих пор им никто не внимал. Слова их были гласом вопиющего в пустыне, даже Гумбольдт и Риттер не могли понять хорошо, в чем дело: они думали, что буруты именно составляют Большую кайсацкую орду и что эту-то орду нужно отличать от Малой и Средней. Но это было большой ошибкой со стороны почтенных корифеев науки. Большая, Средняя и Малая киргиз-кайсацкие орды составляют один народ «казак», отличный от киргизов, называемых китайцами — бурутами, русскими — дикокаменными или черными. Эти два народа отличаются по языку, по происхождению, по обычаям. Даже в физиономии бурута есть что-то своеобразное, не кайсацкое...»²¹. Как видим, данный вывод явился результатом не только этнографических, но и лингвистических и антропологических изысканий автора.

Не менее важное значение имеют высказывания и исследования Ч. Ч. Валиханова по вопросам происхождения казахской народности. Посильное разрешение этой проблемы он считал, пожалуй, основной задачей своих занятий по истории и этнографии родного народа.

²¹ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 401—402.

Об этом свидетельствует то большое внимание, которое он уделял этногенезу казахов почти в каждой своей работе. С удивительной настойчивостью и скрупулезностью он старался использовать все возможные данные для восстановления древней истории казахского народа и его предков.

Ч. Ч. Валиханов прекрасно понимал, что для решения этногенетических проблем ученый должен прежде всего располагать достоверными и разносторонними источниками, а также опираться на научные выводы совокупности смежных дисциплин. Но если его предшественники исключительное внимание обращали на письменные источники, то он, наряду с этим, одним из первых в историографии казахского народа весьма высоко оценил данные этнографии и фольклора, казахские предания, легенды, поговорки, пословицы, как богатейшие источники для изучения складывания и образования казахской народности, ее этнической территории, известной общности хозяйства, языка, культуры. Мысли казахского ученого о значении этнографических и фольклорных источников для исследования древней истории достаточно ярко изложены в его «Очерках Джунгарии», «Заметках по истории южносибирских племен», «Киргизском родословии»²².

«...Изучая внимательно этнографию народа,— писал Ч. Ч. Валиханов,— мы можем открыть, если не истину, то, по крайней мере, слабое отражение ее... Если поэтические сказания Гомера и предания, собранные по слухам Геродотом, имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании своем происшествие и истину, то нет сомнения, что положительные и последовательные сказания киргиз, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и при сличении во всем согласные с историческими указаниями, могут иметь значение историческое»²³.

Особым достоянием кочевых народов является их любовь к старине и богатство преданий. «Предания эти сохраняются свято или в виде родовых воспоминаний в памяти старейшин, как, например, юридические предания и генеалогические, или в форме эпоса передаются из рода в род особенным сословием певцов. Многие слова и обороты, не употребительные в настоящее время, показывают их древность»²⁴. Генеалогические предания позволяют судить о составе и истории образования народности, об отношениях родов между собой, о старшинстве родов и племен. Эпические предания «замечательны, как выражения народного духа, понятий, обычаев, нравов, образа жизни, замечательны также в филологическом отношении и не лишены исторического интереса». При изучении их надо уметь отличить наслоения и заимствования, которые неизбежны «вследствие смежности кочевьев и при сходстве языка...»²⁵ соседних тюркских народов. А для этого, естественно, этнограф или фольклорист, помимо всего прочего, должен знать языки изучаемых народов.

Казахский ученый резко критиковал некоторых иностранных и русских авторов, которые брались за решение этнографических и лингвистических проблем, не зная соответствующих языков. Так, о статье Е. К. Огородникова «Замечания о якутском языке» (1846), в которой доказывалось тюркское происхождение якутского языка, он писал: «По всему видно, что автор сам не очень силен в языке и не изучал его, а писал по расспросам. Через подобные замечания мы никогда не

²² Эти работы см.: Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I.

²³ Там же, стр. 388.

²⁴ Там же, стр. 418.

²⁵ Там же, стр. 419, 420.

узнаем языки инородческие; надо ждать и ждать, когда какой-нибудь ученый, знающий языки тюркские и монгольский, исследует и укажет только на особенности, больше, кажется, не нужно»²⁶.

Понимая значение этнографических и фольклорных источников для изучения истории казахов, Ч. Ч. Валиханов постоянно уделял серьезное внимание их розысканию, накоплению, исследованию, критике и подготовке их к изданию со своими комментариями. Эта его работа нашла отражение в статьях и заметках: «Записка о судебной реформе», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Киргизское родословие», «Следы шаманства у киргизов», «Исторические предания о батырах XVIII в.», «Шуна-батыр». Кроме того, он подготовил к изданию фольклорные произведения: «Песни-Урака», «Песня об Аблае», «Образец причитаний»²⁷. Большинство из них, написанные на основе историко-этнографического осмысления и толкования разнородных этнографических, фольклорных источников, вводят читателя в творческую лабораторию ученого, характеризуют его методы научной работы и важны в теоретическом отношении.

Ч. Ч. Валиханов проделал также большую работу по отысканию, открытию и изучению письменных источников по истории и этнографии казахского народа. Он хорошо знал русские письменные источники, литературные и архивные, и широко использовал их в своих трудах. Но восточные источники в то время еще не пользовались большим вниманием со стороны ученых. В. В. Вельяминов-Зернов, который одним из первых стал искать в восточных рукописях сведения о казахском народе, опубликовал результаты своих изысканий лишь в 1864 г. во второй части «Исследований о касимовских царях и царевичах», когда казахский ученый практически уже не мог ими воспользоваться.

К исследованию источников и рукописей на восточных языках Ч. Ч. Валиханов обратился, по-видимому, в 1853—1856 гг. В эти годы он написал «Письмо проф. И. Н. Березину» и «Заметки при чтении книги проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки», посвященные исследованию» тарханных ярлыков золотоордынских и крымских ханов.

Тарханные ярлыки в середине прошлого столетия изучали многие русские ученые. Особенно плодотворно поработал над ярлыками известный востоковед И. Н. Березин, Ч. Ч. Валиханов, заинтересовавшись, в свою очередь, текстом ярлыков, написал указанное письмо И. Н. Березину и рецензию на его труды. Однако эти работы Валиханова не увидели свет в то время, а тарханные ярлыки в дальнейшем не являлись предметом специального исследования. Только А. Н. Самойлович внес несколько поправок в работы И. Н. Березина. Вместе с тем русские и советские востоковеды указывали на «необходимость приведения в удовлетворительное с современной научной точки зрения состояние литературы по ярлыкам»²⁸.

Труды Ч. Ч. Валиханова о тарханных ярлыках, опубликованные ныне впервые в первом томе его сочинений, могут вновь привлечь внимание ученых к этим важнейшим историческим документам и сыграть значительную роль в изучении социально-экономической истории Золотой Орды. Казахский ученый изучал тарханные ярлыки в свете проблемы этногенеза казахского народа. Он подверг текст ярлыков скрупулезному историко-этнографическому и лингвистическому анализу.

²⁶ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 384.

²⁷ Все названные работы см.: Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I.

²⁸ «Иzv. Таврического общества истории, археологии и этнографии», т. I, Симферополь, 1927, стр. 141.

Из большого числа восточных рукописей, известных Ч. Ч. Валиханову, его внимание особенно привлекли рукописи Рашид-ад-дина «Джами'ат-таварих», Мухаммад Хайдар Курекана «Тарихи Рашиди» и Кадыргали Хошум Жалаира «Джами'ат-таварих» («Сборник летописей»).

Сочинение Рашид-ад-дина было известно Ч. Ч. Валиханову по трудам французского ориенталиста С. д'Оссона, профессора Казанского университета Ф. И. Эрдмана и д-р. Но настоящее его знакомство с этим сочинением относится к 1860 г., когда в Петербурге он приобрел издание Рашид-ад-дина в переводе на русский язык И. Н. Березина. Изучая это издание, казахский ученый своей первой задачей поставил оценку перевода и комментариев И. Н. Березина, конспектирование текста сочинения, а затем уже использование его данных для исследования этногенеза казахов.

Нами установлено, что Ч. Ч. Валиханов действительно конспектировал Березинское издание Рашид-ад-дина и сделал ряд критических замечаний в адрес издателя, которые он, по-видимому, собирался изложить в особой статье. Однако редакция последнего издания сочинений казахского ученого, имея в своем распоряжении отрывки этих заметок, не разобралась в них и ошибочно включила их в текст совершенно другой работы автора²⁹. Следует отметить, что ученый высоко ценил сочинение Рашид-ад-дина, считая, что оно содержит более точные историко-этнографические сведения, нежели китайские источники.

Рукописи сочинения Мухаммад Хайдар Курекана Ч. Ч. Валиханов изучал также в Петербурге в 1860 г., в библиотеке Азиатского музея. Сохранились частично его заметки, содержащие вольный перевод и извлечения из кашгарского текста «Тарихи Рашиди». Они ныне опубликованы, но, к сожалению, не являются теми страницами рукописи, в которых говорится о казахах и связанных с ними событиях. Зато в них освещается биография автора «Тарихи Рашиди» и некоторые важные факты из истории Семиречья и среднеазиатского Междуречья XIV—XVI вв.

Гораздо лучше известна работа Ч. Ч. Валиханова по изучению рукописи Кадыргали Хошум Жалаира. Из нее он сделал выборочный вольный перевод той части, которая имеет отношение к казахам, снабдил перевод примечаниями и словарем этнографических терминов, проанализировал текст и использовал его данные в своих статьях, рецензиях и письмах. Эту рукопись он считал замечательным источником по исторической этнографии казахов XIV—XVI вв.

В середине XIX в., благодаря трудам Н. Я. Бичурина (Иакинфа)[^], особенно его «Собранию сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851), в науку были введены многочисленные древние китайские источники. Ч. Ч. Валиханов хорошо знал эти труды и старался привлечь их для исследования этногенеза казахов и других тюркских народностей. Но он видел и недостатки китайских источников. Исследование происхождения современного нам кочевого населения, писал он, представляет «величайшую трудность... тем более, что единственные для того источники — китайские летописи и восточные хроники — не отличаются последовательностью и точностью. Самый способ тонического переложения иностранных имен на китайские иеро-

²⁹ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 138—139; Э. А. Масанов, Рецензия на I том Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова, 19Ы, «История СССР», 1964, № 1, ютр. 181.

глифы через какие-нибудь китайские слова, по звуку близко подходящие к настоящему имену, недобросовестность китайцев, которые жертвовали при этом точностью для того, чтобы выразить своими иероглифами злую насмешку, наконец, непоследовательность, с которой следили китайцы за переворотами орд варварских — особенно в период между династиями Тан и Юань, делает вопрос этот далеко не таким ясным, как бы следовало ожидать от множества фактов, сохраненных их историей»³⁰. Для установления достоверности китайских этнографических источников, утверждал казахский ученый, следует прибегать к ретроспективным методам исследования современных кочевых народов, их быта, обычаев, законов, преданий, языков.

Заслуги Н. Я. Бичурина нашли достойную оценку в трудах Ч. Ч. Валиханова, подчеркивавшего, что «Сами китайцы не имеют лучших исследователей» официальных документов империи. Но его огорчало, что «отец Иакинф имел слабость впускать в текст свои мысли и догадки, не отделяя их от китайских данных»³¹.

Таким образом, писал Ч. Ч. Валиханов, заключая свои источниковедческие изыскания, «главным источником для истории народов кочевых и вообще племен, не имеющих письмен, были и будут полубаснословные их легенды и отрывки известий из летописей цивилизованных народов, с которыми они имели столкновения»³².

Ч. Ч. Валиханов ставил задачу выявить новые письменные источники и для изучения более поздних периодов истории казахского народа. Так, известно, что он работал над переводом на русский язык и комментированием текста четырех грамот китайских императоров и одной грамоты джунгарского хана казахским ханам Аблаю и Валию. Сохранились его черновые наброски, в которых он, в частности, писал: «Так как источники для изучения Киргизской степи очень скудны..., то акты эти (т. е. указанные грамоты), как новые данные для бытоописания киргизских орд, бесспорно заслуживают внимания отечественных ученых»³³.

Весьма важным источником для изучения древней истории казахского народа Ч. Ч. Валиханов считал археологические и архитектурные памятники. По его мнению, кочевники не могли оставить значительные следы материальной культуры вроде развалин городов, остатков поселений. Но в Казахской степи, говорил он, много различных надгробных сооружений, курганов, мавзолеев, отдельных могил, культовых памятников, которые должны привлечь внимание исследователей, так как открытые в них при раскопках находки характеризуют обычаи, обряды, верования, занятия, уровень материальной культуры древних народов.

Приступая к исследованию этногенеза казахского народа, Ч. Ч. Валиханов отдавал себе отчет, что «действительно трудно определить происхождение народа, подобного киргизам, народа кочевого, который не имеет письменности...»³⁴. Однако решение ряда важнейших вопросов проблемы вполне возможно, и прежде всего на основе изучения этнографических, фольклорных, письменных материалов, а также антропологических и лингвистических. К числу их относится вопрос о времени завершения формирования казахской народности.

³⁰ Ц. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 346.

³¹ Там же, т. II, Алма-Ата, 1962, стр. 47—48.

³² Там же, т. I, стр. 346.

³³ Ч. Ч. Валиханов, Соч., СПб., 1904, стр. 306.

³⁴ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 388.

По мнению Ч. Ч. Валиханова, неправы были те авторы, которые относили образование казахской народности к домонгольской эпохе. Казахская народность должна была возникнуть значительно позже, и, по-видимому, лишь во второй половине XIV в., в эпоху распада татаро-монгольских владений. Он писал: «Все данные, соби́ранием которых я теперь занимаюсь..., подтверждают, что народ казак (так называем себя мы) образовался от союза разных племен турецких и монгольских во время междоусобий в орде, начавшихся тотчас после смерти Бердибека (1359.— Э. М.), а не народ древний, о котором писал Фирдоуси»³⁵.

• Из других замечаний Ч. Ч. Валиханова видно, что он приурочивал образование казахской народности ко времени возникновения Казахского ханства, «политической отдельной общины» из разноплеменных родов независимо от их происхождения, «соединившихся вследствие общих интересов и известных обстоятельств в одно политическое тело». «Всего больше утверждается это предположение замечательным составом родов киргизских: между ними вы встретите кипчаков племени золотоордынского, аргынов — племени джагатайского, уйсун — соседей уйгуров и джунгаров»³⁶. В другом месте автор писал: «я уверен, народ этот (казахский.— Э. М.) образовался не ранее XIV в., при распадении Джучиева улуса»³⁷.

Таким образом, Ч. Ч. Валиханов категорически опровергал гипотезу образования казахской народности в домонгольское время, которую поддерживали А. И. Левшин и А. Вамбери, и связывал это событие с возникновением казахской государственности и распадом татаро-монгольских владений во второй половине XIV в. Но государственность вовсе не является обязательным признаком народности. Правильнее рассматривать образование Казахского ханства, как благоприятное условие, обеспечившее относительно безболезненное завершение формирования казахской народности в течение XV— начале XVI в.

Ч. Ч. Валиханов понимал, что и после образования казахской народности в ее состав вливались отдельные родо-племенные образования. Исследуя родо-племенную структуру казахской народности, происхождение отдельных племен и родов, их расселение, он пришел к выводу, что основой этой народности были племена, составившие Младший жуз³⁸. Во второй половине XIV и в XV в. к казахам присоединились племена Старшего и Среднего жузов. В последующую эпоху наблюдалось присоединение других племен, например, ногайских. Но были и отпадения. Так, «род Большой орды — кереит — отделился от союза казаков и соединился с узбекскими родовичами кереитами, а небольшой остаток его, впоследствии возвратившийся в степь, пристал по соседству к Малой орде к семиродскому поколению...»³⁹.

В работах Ч. Ч. Валиханова приведены многочисленные сведения по истории различных родо-племенных групп, составивших казахскую народность, но он ошибался, считая некоторые из них, например, найманов, усуней и других, по происхождению монгольскими племенами.

Не остались вне внимания Ч. Ч. Валиханова и такие вопросы, как складывание антропологического типа казахов, их этнической территории, языка, хозяйства, культуры. Он утверждал, что по устройству черепа и типу лица среднеазиатские турки отличаются от своих сосе-

³⁵ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 121—122.

³⁶ Там же, стр. 205.

³⁷ Там же, стр. 130.

³⁸ Там же, стр. 207—208.

³⁹ Там же, стр. 207.

дей — персов и монголов. Казахи же образовались в результате «смешения тюрков и монголов, но с значительным перевесом монгольского корня». В то же время черты черепа и лица казахов отличают их от других тюркских Народностей.

Привольные и обширные степи, обильные пастбищами и водопоями, указывал Ч. Ч. Валиханов, были издавна населены кочевниками и, как нельзя лучше, соответствовали условиям кочевого скотоводческого хозяйства. Это обстоятельство способствовало образованию здесь особой народности со специфическим психологическим складом, с одинаковым уровнем развития хозяйства и материальной и духовной культуры на всем пространстве Казахской степи.

В произведениях Ч. Ч. Валиханова дана характеристика материальной и духовной культуры казахского народа. Значительный научный интерес представляют его статьи: «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», «О кочевках киргиз», «О формах казахской народной поэзии», «О мусульманстве в степи», «Тенкри (бог)», «Следы шаманства у киргизов»⁴⁰. В последних статьях рассматриваются первобытные анимистические верования у казахов и их трансформация в последние столетия, разоблачается реакционность ислама.

В середине XIX в. в русской науке господствовало мнение, что казахи являются «магометанами, но держатся шаманских обрядов» или, что они «обряды мусульманские смешивают с шаманским суверием». Это мнение Ч. Ч. Валиханов считал справедливым и разъяснял, что шаманство у казахов «смешалось с мусульманскими поверьями и, смешавшись, составило одну веру, которая называлась мусульманской, но они не знали Магомета, верили в аллаха и в то же время в онгонов, приносили жертвы на гробницах мусульманским угодникам, верили в шамана и уважали магометанских ходжей... Такие противоречия несколько не мешали друг другу, и киргизы верили во все это вместе»⁴¹. Основой этой смешанной религии было шаманство. Но в чем оно состояло, оставалось в науке не выясненным.

Со второй половины XVIII в., как известно, распространение ислама в Казахской степи и вытеснение шаманства, не без помощи царизма, резко усилилось. Но все же «шаманские обряды, понятия, легенды, столь тесно соединенные с бытом кочевым, сохранились у киргиз в сохрешенной целости и представляют богатый материал для исследования среднеазиатских древностей»⁴².

Ч. Ч. Валиханов на основе собранных им сведений досконально исследовал с исторической точки зрения шаманство как религию казахов, часть их мировоззрения, духовной культуры и быта и материалистически объяснял сущность и причины его возникновения. В статье «Следы шаманства у киргизов» автором выделены следующие вопросы: 1. Арвахи или онгоны, духи умерших предков; 2. О животных, приносимых в жертву; 3. Космологические понятия киргизов; 4. Явления в воздухе; 5. О чарующих силах в природе; 6. О чарующих силах, заключающихся в самом человеке; 7. Чарующая сила, приписываемая некоторым действиям; 8. Клятвы; 9. Талисманы от глаза, от нечистых духов и от разных болезней; 10. Легенда о мертвом и живом и о дружбе их.

Критикуя ислам, Ч. Ч. Валиханов указывал, что мусульманская религия гасит в народе «всякую искру самобытности, всякую националь-

⁴⁰ Эти работы см.: Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собрание сочинений в пяти томах, т. I.

⁴¹ Там же, стр. 470.

⁴² Там же, стр. 470—471.

ность», оказывает исключительно отрицательное влияние на умственное и духовное развитие казахского народа. Он писал, что из-за ислама «песни, древние поэмы, борьба, свобода женского пола и участие его в публичных увеселениях — все начинает выходить из употребления»⁴³. Ученый бичевал и мусульманское духовенство, «народ невежественный в высшей степени, едва знающий свою грамоту, но зараженный мрачным изуверством и диким суеверием»⁴⁴. Он постоянно подчеркивал значение науки и знания в борьбе с религиозным дурманом.

Ч. Ч. Валиханов вскрывал и разоблачал темные предрассудки и вредные патриархально-родовые обычаи, которые сохранялись у казахов издавна чрезвычайно стойко, будучи освящены временем и культом предков. Бороться с ними в то время было почти невозможно. «Истина, писал он, — как бы она ни была светла, не может изгнать самых неверных заблуждений, когда они освящены временем, и особенно у киргиз, которые до сих пор держатся шаманства, примешивая к нему гомеопатическую дозу ислама. Основание этой религии, как известно, составляет боготворение умерших предков, через это все обычаи и предрассудки предков делаются для киргиз священными. К тому же у киргиз много песен..., бездна поговорок и афоризмов, сочиненных когда-то их умными отцами. На все свои убеждения и обычаи они находят готовый аргумент старины и думают, что правы»⁴⁵.

В «Записке о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства» Ч. Ч. Валиханов с демократических позиций высказал свои соображения о судебной реформе, которую готовило царское правительство для Казахской степи, и охарактеризовал обычное право и роль и значение суда биев у казахов. В ней он указывал, что поскольку правительство имеет дело с «народностями иноверческими и инородческими, которые ведут образ жизни, диаметрально противоположный образу жизни коренного русского населения, имеют нравы и обычаи диаметрально противоположные нравам и обычаям русских славянского племени», оно не должно механически распространять преобразования, проводимые в Европейской России, на Азиатскую. Но царские чиновники не изучают действительно народные нравы и обычаи. Им вменяется в обязанность иметь дело лишь «со сведущими в законах и судебных обычаях юбиями и султанами», между тем «на мнения... привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бываю́т большей частью враждебны интересам массы, большинства»⁴⁶. «Народ, т. е. небогатые, нечиновные и нетитулованные», простые казахи от дачи показаний устранены⁴⁷, несмотря на то, что любые преобразования должны отвечать коренным, жизненным интересам трудящихся.

Мысли Ч. Ч. Валиханова о национальных особенностях и самобытности жизни, нравов и обычаев каждого народа, о необходимости конкретно-исторического подхода к его нуждам и требованиям, определение народа, данное им, имели теоретическое и практическое значение в истории этнографического изучения казахского народа.

В статье «О кочевках киргиз» Ч. Ч. Валиханов подробно охарактеризовал состояние современного ему казахского скотоводческого хо-

⁴³ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 389.

⁴⁴ Там же, стр. 519.

⁴⁵ *ц. ц.* Валиханов, Избранные произведения, стр. 567.

⁴⁶ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 494—495.

⁴⁷ Там же, стр. 500.

зяйства, его эволюцию и перспективы. Он утверждал, что в недалеком прошлом условия для экстенсивных форм хозяйства были более благоприятны, и кочевники менее страдали от засух, напольных пожаров, саранчи, гололедец. С образованием же административных округов, казачьих станиц, размежеванием земель без учета интересов кочевого хозяйства, закреплением пастбищ за определенными родами и лицами, кочевые пути резко сократились, как и возможности чередования пастбищ в зависимости от колебаний климата; хозяйство кочевников из года в год стало приходить в упадок.

Характеризуя казахский народ, Ч. Ч. Валиханов писал: «говоря серьезно, киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства»⁴⁸. Вместе с тем ученый дал глубокую критику экономической и социально-культурной отсталости казахского народа, его классовой разнородности и разоблачил колонизаторскую политику царизма.

В трудах Ч. Ч. Валиханова нашло всестороннее освещение песенно-поэтическое и музыкальное творчество казахского народа. Он неустанно и любовно разыскивал и собирал старинные поэмы, оды, песни, сказания, легенды, пословицы и поговорки, как произведения духовной культуры народа, неисчерпаемый клад народной мудрости, отражение географических, исторических, религиозных, умственных познаний и нравственных понятий казахского народа, кочевого быта и чаяний трудящихся масс.

Ч. Ч. Валиханов разрабатывал классификацию форм казахской народной поэзии, изучал многочисленные варианты одних и тех же фольклорных произведений с целью восстановления их древней основы и установления позднейших наслоений, а также культурных связей с другими народами. Согласно его наблюдениям, в поэзии казахов сильно сказывается общение со славянским миром, особенно с Русью. В «Очерках Джунгарии» он писал о чертах общности и различиях в устнопоэтическом творчестве тюркских народов, об их социальных устремлениях. Но следует отметить, что казахский ученый испытал влияние так называемой «теории заимствований» в объяснении происхождения фольклорных сюжетов и мотивов.

Как известно, оформление «теории заимствований» в Западной Европе связано с именем Т. Бенфея (1801—1881), который изложил ее в законченном виде во введении к своему переводу древнейшего текста «Панчатантра» (1859). Т. Бенфей рассматривал сказки, легенды и предания древней Индии, Ирана в качестве единственного источника сказочных сюжетов мировой литературы, игнорируя национальную специфику и конкретно-исторические факторы развития фольклора каждого, отдельно взятого народа. Отсюда основной задачей фольклористики он считал изучение миграций фольклорных сюжетов и мотивов, установление путей и направления «заимствований» и древнейших исходных форм произведений устного народного творчества. В России «теорию заимствований» восприняли В. В. Стасов, Н. И. Веселовский, В. Ф. Миллер, Г. Н. Потанин. В истории русской фольклористики они известны как сторонники так называемого «исторического» направления.

Ч. Ч. Валиханов писал: «Занимаясь давно собиранием киргизских сказок, мифов, эпических песен и легенд, я был поражен тождественностью их мотивов с мотивами произведений этого рода народов европейских, особенно славян. Я сначала объяснял этот факт, следуя

⁴⁸ Ч. Ч. В а л и х а н о в, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 499.

Аб. Ремюза, влиянием и смешением индогерманских племен с татарскими во времена их совместного жительство на плоскостях Средней Азии... Я убедился, что индогерманские мотивы наших киргиз и ногайцев могли быть заимствованы только через сношения со славянским миром, с Русью»⁴⁹.

Ч. Ч. Валиханов был и одаренным художником. Он оставил множество этнографически точных зарисовок типов и жанровых картин, являющихся исключительно важным источником для изучения культуры и быта казахского народа. Им была также собрана ценная коллекция оружия, утвари, предметов религиозного культа.

Таким образом, вклад Ч. Ч. Валиханова в этнографическое изучение казахского народа является весьма значительным. Научные материалы, собранные им, и многие его выводы и в наше время не потеряли своего значения. Пожалуй, нет ни одного важного вопроса, относящегося к исторической и современной ему этнографии казахов, который бы он не затронул в той или иной степени и разрешению которого он не способствовал бы своими исследованиями. Его труды оказали огромное влияние на всю последующую историю изучения культуры и быта казахов. Он явился основоположником демократического направления в истории казахской общественной мысли и содействовал приобщению казахского народа к передовой русской культуре.

SUMMARY

The article is devoted to the prominent Kazakh scholar Chokan Valikhanov (1835—1865), the outstanding democratic educator, historian and ethnographer.

The author stresses Valikhanov's work as an ethnographer of the Kazakhs.

⁴⁹ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 400—401.